

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ЕРЕСИ.¹

I.

[80]

Можно-ли говорить о ересьяхъ въ искусствѣ? Въ наше время чрезвычайной эмансипаціи такой вопросъ можетъ показаться страннымъ. Развѣ въ области творчества не все дозволено? Развѣ индивидуализмъ — краеугольная основа современной художественной жизни — не учить, что только то и цѣнно, что свободно возникло въ душѣ творца и что свободно вылилось въ произведеніи? Отступить отъ этого не значило бы вернуться къ проповѣди духовнаго пора-бощенія, къ схоластикѣ, къ мертвеннымъ формуламъ?

Однако, уже послѣдовательное проведеніе самаго принципа индивидуализма („свободнаго выбора”) приводитъ насъ къ весьма странному виду порабощенія творчества. Вѣдь жажда рабства, требованіе подчиненія, можетъ быть такимъ-же проявленіемъ человѣческаго хотѣнія, какъ и жажда эмансипаціи. Это не парадоксъ. Гдѣ кончается свобода и гдѣ начинается рабство? Почему *принудительная* свобода должна быть болѣе достойной человѣчества, нежели свободное самопринужденіе — вольное поступленіе въ рабство?

Выходитъ такъ, что индивидуализмъ разрѣшаетъ всякую свободу *кромѣ* цѣлаго ряда свободныхъ дѣйствій, влекущихъ за собой сознательное подчиненіе одной личности другой, или даже личности какому либо принципу: „Дѣлай, что хочешь и какъ хочешь, но *не смѣй* дѣлать, какъ дѣлаютъ другіе и не смѣй

¹ *Золотое руно*, 1906, № 2, 80-88.

Точка зрѣнія, изложенная въ данной статьѣ, въ основныхъ пунктахъ расходится со взглядами редакціи и мы помѣщаемъ ее лишь потому, что считаемъ интереснымъ дать законченное изображеніе художественныхъ вѣрованій А. Бенуа.

сходить съ „собственнаго” пути:

Подъ такой свободой кроется тяжелое насиліе, нѣчто подобное гражданскимъ повинностямъ утопій „свободныхъ” государственныхъ устройствъ, изъ которыхъ хочется вырваться хотя-бы въ прежнее болѣе „просторное” рабство или-же тянетъ „выскочить въ окно”—обратиться къ анархіи, къ полному гражданскому небытію.

Если взглянуть на все современное состояніе искусства, то съ одной стороны видишь провозглашеніе и культъ красиваго принципа крайней свободы личности, а съ другой— всѣ мрачныя послѣдствія, которыя фатально вытекають изъ приложенія этого принципа. Художники разбрелись по своимъ угламъ, тѣшатся самовосхищеніемъ, пугаются обоюдныхъ вліяній и изо всѣхъ силъ стараются быть только „самими собой”. Воцаряется хаосъ, нѣчто мутное, не имѣющее почти никакой цѣнности и, что страннѣе всего,— никакой *физиономіи*. Лишь тамъ, гдѣ (зачастую безсознательно для самихъ творцовъ) еще продолжаетъ жить извѣстная совокупность „подчиняющихся факторовъ”, гдѣ художники группируются вокругъ извѣстной догмы и служатъ ей, тамъ, словомъ, гдѣ индивидуализмъ принесенъ въ жертву тому, что

[81]

прежде называли школой, тамъ лишь доживаетъ настоящее искусство.

Эти слова „настоящее искусство” сорвались у меня нечаянно. Но пусть они остаются. Ими я отвѣтилъ на предложенный вопросъ: могутъ-ли быть ереси въ искусствѣ? *Разумѣется могутъ*,— разъ я говорю о настоящемъ искусствѣ, то я предполагаю и существованіе „ненастоящаго” искусства, а, слѣдовательно, допускаю и то, что обуславливаетъ существованіе какъ того, такъ и другого, т.е. ортодоксальность извѣстныхъ принциповъ и ересь другихъ.

Не стану отрекаться отъ этихъ словъ, хотя и признаю, что для такой вольности еле хватаетъ духу. Вѣдь признаніемъ, хотя-бы въ принципѣ,

ортодоксальности, я бравирую наиболее укоренившиеся взгляды, как-бы записываюсь в ряды „стариков“, рутинеров и схоластиков. Но эта опасность как раз и заманивает меня, так как мнѣ ничего не представляется болѣе скучнымъ, какъ пользоваться славой храбреца, находясь въ густыхъ рядахъ воинства подъ защитой баттарей отнынѣ признанныхъ теорій. Притомъ-же я отлично знаю, что ухожу не къ старикамъ (которыхъ я, впрочемъ, не презираю) и обращаюсь не къ рутинѣ, а говорю лишь то, о чемъ пора говорить во славу того же „свободнаго“ искусства.

Индивидуализмъ потому и ересь въ своихъ послѣдовательныхъ выводахъ, что онъ отвлекаетъ творчество отъ свободы и отъ свѣта. Подъ свободой я подразумѣваю мистическое начало вдохновенія, т. е. „свободное подчиненіе“ верховному сверхчеловѣческому началу. Подъ свѣтомъ же я подразумѣваю все, что составляетъ смыслъ и прелесть творчества: исканіе и угаданіе красоты, прозрѣніе въ сокровенный смыслъ вещей, откровеніе того, что принято называть поэзіей. Безъ этихъ началъ художественное творчество сводится къ механической выправкѣ, къ научному изслѣдованію и, наконецъ, къ хаотическому диллетантизму.

Индивидуализмъ ересь потому, главнымъ образомъ, что онъ отрицаетъ *пріобщеніе*. Дѣйствуя безуміемъ бѣсовской гордыни, онъ заставляетъ людей сторониться другъ отъ друга и напрягать всѣ усилія на то, чтобы выразить каждое отдѣльное „я“. Между тѣмъ это отдѣльное „я“, отрѣшенное отъ „всего посторонняго“ едва ли величина цѣнная. Грубый, но разительный примѣръ учить, что человѣкъ, оставленный на уединенномъ островѣ, фатально звѣрѣетъ и даже теряетъ самосознаніе, будучи поработенъ стихійными силами (и внѣ и внутри его лежащими).

Съ другой стороны все въ жизни — и въ духовной, и въ матеріальной— держится и строится соединеніемъ и подчиненіемъ, а не разъединеніемъ и

бунтомъ. Даже „силы небесныя” сплочены въ легіоны и обступають Господа Бога стройными рядами. Лишь Бѣсъ не подчинился этому строю и внесъ въ міръ смуту своей гордыни. Но Мессія побѣдилъ князя міра сего, *подчинившись* велѣніямъ Бога-Отца и отказавшись пойти за тѣмъ, кто сулилъ ему полную сво-

[82]

боду и всемогущество цѣной измѣны этпмъ предначертаннымъ велѣніямъ.

Въ этомъ великая Тайна, великая радость жизни и міра. Все должно держаться, сообщаться, любить другъ друга, зависѣть одно отъ другого.

Небесныя гармоніи, стройный бѣгъ свѣтилъ, *іерархія* ангельскихъ легіоновъ, „міровая любовь”, духовное и плотское единеніе, держитъ свѣтъ, заставляеть вселенную противоборствовать вѣчно угрожающему „грядущему Хаму”, разрушительному началу атомизма и хаотичности. Въ „пріобщеніи” всего — сила всего, свѣтъ и слава, жизнь и красота. И, наоборотъ, въ отторженіи, разъединеніи, въ безумныхъ потугахъ самодовлѣющаго существованія отдѣльныхъ единицъ — разрушеніе всей системы, смерть, мракъ и хаосъ.

Горе современнаго искусства именно въ томъ, что оно разобщено, что оно разбрелось. Вѣрнѣе — оно до сихъ поръ лишь стремится разбрестись. На самомъ дѣлѣ получился обманъ. Маленькія единицы, не смотря на всѣ старанія, не выросли вслѣдствіе своего обособленія, и наша художественная жизнь болѣе однообразна и безцвѣтна, нежели любая изъ предыдущихъ эпохъ, когда въ основѣ всего искусства лежали и подражаніе, и принципиальный плагиатъ, и школа, и формула²). Съ другой стороны крупныя единицы, отрѣзанныя отъ

² Безцвѣтность эта особаго рода. Она ироисходитъ отъ слишкомъ большой пестроты въ мелочахъ, дающихъ въ общемъ сѣрый и мутный тонъ всему художественному творчеству.

благотворной помощи болѣе мелкихъ, предоставленныя самимъ себѣ, теряють связи съ жизнью, фатально впадаютъ въ однообразіе и не даютъ своему творчеству той ширины и ясности, которыми блещетъ творчество древнихъ мастеровъ, являвшихся чѣмъ-то въ родѣ громадныхъ водоемовъ, въ которые сливались всѣ идеи современниковъ, всѣ открытія мастерства, все назрѣвавшее пониманіе красоты.

Художникъ въ былыя времена жилъ въ приобщеніи со всѣмъ обществомъ и былъ самымъ яркимъ выразителемъ идеаловъ своего времени. Современный художникъ неизбѣжно остается диллетантомъ, бьющимся обособиться отъ другихъ, дающимъ жалкія крохи того, что онъ считаетъ „своимъ личнымъ”, и что является помимо его сознанія все же отраженіемъ окружающихъ вліяній, но отраженіемъ слабымъ и замутненнымъ. Безъ вліяній монада единоличнаго „я” все равно ничего не можетъ создать, а потому ученіе противящееся этимъ вліяніямъ (безъ которыхъ не можетъ быть творчества) и должно быть названо ересью, такъ какъ оно ведетъ къ атрофированію художественной воспріимчивости и, слѣдовательно, къ гибели искусства. Строго проведенный индивидуализмъ есть абсурдъ, ведущій не къ развитію человѣческой личности, а къ ея одичанію.

II.

[83]

Не знаю, есть ли выходъ изъ этого положенія. Опытъ исторіи не можетъ научить, ибо положеніе, созданное искусству, въ настоящее время безпримѣрно³). Съ другой стороны и логика ничего не научить въ такомъ дѣлѣ, какъ искусство, которое въ своей эволюціи, что бы ни говорили Тэны, слишкомъ часто бравировуетъ логику. И все-же важно теперь-же *начать говорить*, подать первый сигналъ къ тревогѣ. Откликнется ли ктонибудь сейчасъ—это не важно.

³ Ближе всего наше время къ эпохѣ упадка древняго Рима—къ «византизму», но аналогія эта далеко не полная.

Важно сознать ошибку или хотя бы заподозрить ее, усумниться въ своей правотѣ. Это первый шагъ къ исправленію. Теперь поколѣніе, зрѣющее намъ на смѣну, увлечено индивидуализмомъ, презираетъ каноны, школу, традиціи.

Недавно еще подобное отношеніе было умѣстнымъ. Оно явилось въ качествѣ реакціи противъ другихъ „ересей”, противъ гнѣта академическаго шаблона и еще худшаго гнѣта направленства. Тогда хотѣлось вырваться, уйти отъ другихъ, отъ тупоголовыхъ чиновниковъ искусства и ограниченныхъ народниковъ-передвижниковъ. Всякое приволье и даже пустыня могли показаться раемъ послѣ той духоты. Но теперь является вопросъ, оставаться ли дольше въ пустынѣ и помирать съ тоски, или-же искать обѣтованной земли, куда войти всѣмъ сразу — для общей работы.

Въ настоящій моментъ вопросы эти представляются особенно роковыми. Не смотря на провозглашеніе свободы всѣми партіями, настоящаго духа свободы въ воздухѣ нѣтъ, а напротивъ того, чувствуется необходимость „поступленія въ ряды”. Уже не мистическое приобщеніе передъ нами, а приказы всевозможныхъ „комитетовъ народнаго спасенія” записываться въ тѣ или другія милиціи. И вотъ тутъ такъ важно вспомнить о томъ, что только въ мистическомъ общеніи спасеніе художника, и что художнику не подобаетъ поступать въ милицію и заниматься суетными вопросами устроенія жизни. Его зовутъ другія болѣе высокія, ему лишь доступныя задачи.

Художникъ по природѣ своей анархистъ. Между двумя принципами: Кесаремъ и Богомъ онъ можетъ и долженъ выбрать только Бога. Исторія учитъ насъ какъ-будто другому, и можно указать, что искусство, какъ разъ въ наиболѣе значительные моменты своего развитія, было „придворнымъ” — служило Кесарю. Однако служеніе это было лишь кажущимся.

Людовикъ XIV могъ гордиться, что онъ отвлекъ вниманіе всего своего государства отъ Бога на себя, и что онъ всецѣло подчинилъ лучшихъ людей

своего времени—художниковъ. Однако на дѣлѣ это было не такъ. По странному велѣнію судьбы—это художники (и вообще вся французская культура), которые создали изъ короля Бога, которые сообщили принципу цезаризма ореоль божественности.

[84]

Разумѣется, въ этой подстановкѣ одного принципа другимъ былъ компромиссъ и компромиссъ этотъ сказался въ искусствѣ: оно, не смотря на всю свою силу и красоту, носило оттѣнокъ дутости и напыщенности—оно было *фальшивымъ*. И все-же оно было движимо не плоской куртизанской услугой и не утилитаризмомъ какихъ либо государственныхъ соображеній, а одухотворяемо именно этой фикціей земного бога. Въ это вѣрили, этому служили и *отдавали души*.

Въ силу именно такого искренняго поклоненія земному богу, не только Версаль, но и всѣ „Версальчики”, всюду, гдѣ были монархи - полубоги (а они были почти повсемѣстно въ XVIII в.), получили тотъ ореоль, ту странную неподражаемую красоту, которые озадачиваютъ и даже злятъ людей съ „независимыми взглядами”. Какъ ни какъ, а съ тѣхъ поръ не было дано человечеству выразиться съ такимъ блескомъ, такъ цѣльно и ярко.

Нынѣ народы перестали вѣрить въ прежнюю фикцію и всѣ попытки монарховъ XIX в. возродить эту фикцію остались тщетными. По прежнему дворъ государей окружали художники и творили для нихъ все, что требовалось по преданію творить. Но эти созданія уже не обладали ни жизненностью, ни яркостью прежняго „придворнаго” искусства, а получали тоскливый оттѣнокъ лакейства. Ни въ чемъ нельзя лучше прослѣдить упадокъ монархической идеи, какъ именно въ произведеніяхъ придворнаго искусства XIX в.

Теперь идею монарха — единоличнаго представителя Бога на землѣ — замѣнила идея народа и, такимъ образомъ, конкретная фикція замѣнилась

абстрактной. Допустимъ, что абстракція эта имѣетъ великій смыслъ. Но идея Бога въ ней все-же померкла и замѣнилась всецѣло идеей земного устроения. Въ настоящее время народъ - государство и есть тотъ Кесарь, о которомъ говоритъ Евангеліе. И мнѣ кажется, что равнодушіе, которое замѣчается въ художникахъ къ этой абстракціи, слѣдуетъ именно объяснить ихъ природнымъ анархизмомъ, ихъ стихійнымъ индифферентизмомъ ко всякой идеѣ земного устроения. Доколѣ они вѣрили въ фикцію бога-папы, бога-короля, до тѣхъ поръ они творили искренне, съ полнымъ увлеченіемъ, заглядывая поверхъ папы и короля въ горнія сферы настоящаго Бога, и сообщая ореолъ этихъ откровеній ближайшимъ своимъ объектамъ: папѣ и королю. Какъ только, однако, мѣсто „божественной монархіи” заняла „удобная конституція,” художники отвернулись и стали искать откровеній въ другихъ областяхъ.

Теперь и въ Россіи отжившую, никого уже болѣе не прельщающую мистическую фикцію непогрѣшимаго, божественнаго монарха замѣнила „конституція,” т.-е. утопія удобнаго земного устроения. Вѣроятно, и отъ художниковъ потребуютъ высказаться, потребуютъ, чтобъ и они стали служить великому дѣлу обновленія русской государственной жизни.

Я не говорю о ближайшемъ времени. Теперь еще слыш-

[85]

комъ много борьбы, шума п сутолоки. Теперь и художники сбиты, мечутся, а иные мнятъ себя гражданами, поступаютъ въ милиціи, отдаютъ священный свой даръ на утилитарныя цѣли борьбы противъ существующихъ негодныхъ порядковъ. Но настанетъ успокоеніе, жизнь Россіи войдетъ въ свои берега, культура отрезвится и оздоровѣетъ. Тогда и художники должны будутъ оставить Кесарево — Кесарю и всецѣло снова обратиться къ Богу — къ Аполлону.

Найдется ли достаточно силъ въ этой обновленной русской культурѣ,

чтобъ почувствовать потребность въ красотѣ — этого теперь еще нельзя сказать, ибо слишкомъ все замутнено и не видать за этой мутью конечной разгадки. Но, если только русская революція приведетъ не только къ социалистскимъ экспериментамъ (или не будетъ цинично раздавлена реакціей), то мы еще увидимъ давно жданный расцвѣтъ русской жизни, и тогда, разумѣется, долженъ явиться и расцвѣтъ искусства—этого наиболее яркаго и свободного выразителя человѣческихъ идеаловъ.

Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что всѣ мои слова не имѣютъ плоти, что это риторика. И дѣйствительно, выходятъ такъ, что, находясь въ преддверьи обѣтованной земли, не зная ничего о томъ, что насъ ожидаетъ за этими дверьми, я точно говорю какой-то тостъ за „свободу, красоту, идеалы!” Громкія и всѣмъ надобвшія слова. Но дѣло вовсе не въ томъ, что намъ дадутъ дѣлать за этими дверьми, и я вовсе не имѣлъ въ виду „обѣтованной земли,” когда началъ свою статью. Меня интересуеть не вопросъ, что мы будемъ дѣлать за этими дверьми, а вопросъ—какими мы туда войдемъ, что мы туда принесемъ изъ того достоянія, которымъ теперь обладаемъ. И вотъ тутъ-то и является желаніе распроститься съ тѣми частями этого достоянія, которыя могутъ повредить грядущей новой жизни.

Еще скажутъ мнѣ, что нельзя говорить о „ересяхъ,” отъ которыхъ „нужно избавиться,” не исповѣдуя какую-нибудь „правую” вѣру, и при этомъ укажутъ мнѣ на слабое мѣсто всего нашего времени — на то, что вѣры теперь вообще нѣтъ, что, слѣдовательно, нечего вооружаться противъ ересей этой отсутствующей вѣры. Мнѣ думается, однако, что указаніе это не будетъ основательнымъ: такъ, вѣра именно у художниковъ существуетъ, но она находится въ латентномъ, сумеречномъ состояніи, она едва понятна и почти не опредѣлима.

Трудна вообще въ наше время вѣра. Мы переросли всѣ исторически -

сложившіяся релігійозныя ученія и, принимая ихъ всѣ, жаждемъ послѣдняго вывода изъ нихъ, или только „слѣдующаго откровенія.” Мы находимся въ несравненно болѣе остромъ кризисѣ человѣческаго сознанія, нежели афиняне времени агюстола Павла, воздвигнувшіе въ своей неутѣшности храмъ „неизвѣстному Богу.” И намъ нужно воздвигнуть храмъ „неизвѣстному Богу” и ждать, чтобъ снова явился въ новомъ откровеніи Мессія и произошла замѣна безплотнаго и смутнаго культа живымъ и яркимъ.

[86]

Но изъ всего томящагося въ безвѣріи или въ „недовѣріи” человѣчества наименѣе должны отчаяваться художники. Велико и прекрасно было искусство древности, но оно не обладало тогда той (да простятъ мнѣ тривіальность выраженія) „авторитетностью,” которой оно обладаетъ нынѣ. Аполлонъ и Діонисъ какъ-то выросли и выяснились, и въ настоящее время мы чувствуемъ, что именно отъ нихъ надо ждать спасенія. Удивительно отсутствіе эстетики въ Евангеліи и, напротивъ того, глубоко-эстетическій духъ, пропитывающій все послѣдующее развитіе христіанства. Въ настоящее время католицизмъ, можно сказать, держится однимъ эстетизмомъ, и красота — его послѣдняя (но сколь могущественная!) крѣпость.

И, дѣйствительно, красота есть то откровеніе божественнаго начала, которое въ настоящее время представляется наиболѣе разительнымъ, категоричнымъ. Красота есть та Тайна, которая наименѣе объяснима и въ то же время наиболѣе ясна. Красота есть послѣдняя путеводная звѣзда въ тѣхъ сумеркахъ, въ которыхъ пребываетъ душа современнаго человѣчества. Расшатаны релігіи, философскія системы разбиваются другъ объ друга, и въ этомъ чудовищномъ смятеніи у насъ остается одинъ абсолютъ, одно безусловно-божественное откровеніе — это красота. Она должна вывести

человѣчество къ свѣту, она не дастъ ему погибнуть въ отчаяніи. Красота намекаетъ на какія-то связи „всего со всѣмъ”, и она обѣщаетъ, что будетъ дана разгадка всѣмъ противорѣчіямъ до сихъ поръ бывшихъ откровеній.

Однако у красоты страшный врагъ — это хамство, „мѣщанство”. Врагъ этотъ не страшенъ для самага принципа красоты, который недостижимъ и неприкосновененъ. Но онъ страшенъ для ея проявленій, для всей той красоты, которая уже существуетъ, и для той, — которая имѣетъ еще народиться.

Сегодня я не буду говорить о святотатственныхъ посягательствахъ на существующія откровенія красоты, о всемъ томъ, что называется довольно нелѣпымъ словомъ „вандализмъ”, и что является чудовищнымъ выраженіемъ господствующаго нынѣ хамства. Еще важнѣе для красоты — тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ въ настоящее время новымъ ея воплощеніемъ, и здѣсь я возвращаюсь къ своей основной темѣ и снова обращаюсь къ индивидуализму.

Мнѣ и кажется, что еще страшнѣе того, что гибнетъ вокругъ насъ вся красота, созданная нашими предшественниками, что гибнуть незамѣнимыя откровенія прекраснаго, страшнѣе этого, что мы теперь не въ состояніи ничего создать такого, что являлось бы замѣной всему гибнущему, что освящало бы и украшало бы нашу жизнь. Мы погибаемъ въ уродствѣ.

Въ чемъ причина? Въ недостаткѣ-ли вдохновенія или

[87]

въ неумѣннн имъ пользоваться? Изсякла-ли благодать или мы невщсещнны ей?

На этотъ вопросъ я — вѣрующій — .могу отвѣтнть только словами: причина въ насъ, въ томъ, что мы „не хотимъ”, не предоставляемъ себя всецѣло божественному воздѣйствию, и что мы забываемъ главную силу всякаго культа (а искусство есть культъ, въ этомъ не усомнится всякій, кто только нѣсколько задумывался надъ этими вопросами), заключающуюся въ единеннн, въ общеннн,

въ церкви.

Все прежнее искусство именно было „церковнымъ” (ecclesia = церковь = община, собраніе) т. е. оно было сплоченнымъ, цѣльнымъ, подчиненнымъ общимъ канонамъ и формуламъ. Искусство же нашего времени отрѣшилось отъ всякихъ канонѣвъ и формулъ. Впрочемъ, въ своемъ отреченіи отъ старыхъ канонѣвъ и формулъ оно было право, нбо нельзя служить богамъ, въ которыхъ не вѣришь. Но искусство нашего времени было абсолютно неправо, оно сдѣлалось „еретичнымъ”, возставъ противъ самаго принципа канонѣвъ и формулъ. Оно взамѣнъ этого принципа воздвигло другой принципъ: полный разбродъ, оно объявило полную ликвидацію всякой церковности.

Индивидуализмъ, основанный на бѣсовскомъ („хамскомъ”) духѣ гордыни, ведетъ насъ во всемъ нарождающемся творествѣ къ такой же пустынѣ, къ такой же „мерзости запустѣнія”, какъ весь современный „вандализмъ”, который тоже основанъ на хамской гордынѣ, на великолѣпнн „американизма”, на грубыхъ утилитарныхъ теоріяхъ, и который служить той-же дьяволовой цѣли сдѣлать tabula rasa, загнать челоѣчество въ темный тупикъ полного озвѣренія.

Индивидуализмъ, учащій оберегать свою личность и чуждаться другихъ (ибо въ корнѣ дѣла индивидуализмъ именно учить тому и другому), индивидуализмъ ведетъ съ фатальной послѣдовательностью къ такому тупику. Каждое новое поколѣніе становится все безпомощнѣе и безпомощнѣе, оно все легкомысленнѣе относится къ дѣлу, оно все болѣе и болѣе забываетъ старыя средства выраженія и все менѣе и менѣе въ состояніи создать новыя, требующія соединенныхъ челоѣческихъ усилій, а не потуговъ отдѣльныхъ опытовъ).⁴

⁴ Возможность появленія «геніевъ» становится все менѣе вѣроятной ибо геніи это тѣ природы, которыя питаются массаами «жертвъ», массаами энтузіазмовъ. Это своего рода «медіумы», дѣйствующіе благодаря сцѣпленію безчисленныхъ волевыхъ способностей, направленныхъ къ одной цѣли.

Опять спросить меня, что же я предлагаю воздвигнуть на мѣстѣ
современнаго „порабощенія индивидуализмомъ”.

[88]

Не возвращаться же къ формуламъ, не навязывать же себѣ общеніе, когда всѣ
отвыкли отъ него? Я не отвѣчу на этотъ вопросъ, но я твердо уповаю на мисти-
ческую силу откровенія красоты, я знаю, что это откровеніе можетъ явиться
лишь въ церкви, въ „причастіи”, и мнѣ теперь же, прежде чѣмъ что-либо
строить, важно заявить именно, что художникамъ пора свергнуть съ себя то иго,
которое мѣшаетъ имъ послѣдовать за новыми велѣніями Божества, и которое
завлекаетъ ихъ въ безпредѣльную пустыню.

Нужно усумниться въ пользѣ ученія о самодовлѣющемъ значеніи
личности въ искусствѣ, и тогда, быть можетъ, мы удостоимся и откровенія
новой церкви, въ которой отдѣльныя личности сольются въ одинъ культъ, и
которая дастъ намъ новое нужное искусство.

Александръ Бенуа.

Версаль, Октябрь 1905 г.—Январь 1906 г.
